

Труд. — 1996 — 21 марта — 5

КУЛЬТУРА

## СОТВОРЕНИЕ КУМИРА —

тема нового романа Юрия Полякова «Козленок в молоке»

Юрий Поляков написал сатирический роман о литературной среде. Шаг сам по себе рискованный.

Не в смысле возможных обид коллег-писателей, узнавших себя в тех или иных комических персонажах, — автор, думаю, знал, на что шел. И не потому, что его могут упрекнуть в стремлении потрафить обывательскому любопытству: в последние годы из-за литературных и прочих кулис «на продажу» было вынесено, кажется, действительно все. Причем в формах отнюдь не художественно-завуалированных, а вполне «грубых, зримых». Так что позорение в желании Ю.Полякова вскочить на подножку этого уходящего поезда тоже отпадает.

Дело в другом. Меня, например, всегда занимал вопрос: какое, собственно, дело читателю до сугубо цеховых дряг и скандалов, до страстей, бушующих на крошечном пятнышке Дома литераторов или дачного поселка, до фигур, широко известных, как говорится, в узких кругах?.. И в прежние-то спокойные-застойные времена все это «кино о кино», «литература о литературе» и прочее за редкими исключениями вызвали немалые сомнения. В том числе и потому, что представленные нам герои с их заботами были «страшно далеки от народа». Что же говорить о дне сегодняшнем, когда все мы в одночасье оказались в ином мире, в другой стране, где система ценностей перевернута с ног на голову, где элементарное физическое выживание стало главной проблемой многих — от шахтера до банкира, от солдата до крупного чиновника? И в это время нам будут рассказывать о каких-то писателях?..

Хотя постойте. Это не о тех ли, кто последние лет десять не сходил с экранов телевизоров, кто в обнимку с политиками витийствовал на митингах, чьи статьи изо дня в день заклинали нас, будто «иного не дано», кроме как разрушить все до основанья? Кто и сегодня претендует на роль духовных вождей общества?

Именно о них, именно потому что литераторы и — шире — «творческая интеллигенция» сыграли весьма заметную роль в событиях последнего драматического десятилетия, последствия которых коснулись практически каждого из нас, и написан «Козленок в молоке», напечатанный сначала в «Смене», а недавно выпущенный издательством «Ковчег».

...Главный герой романа, от лица которого ведется повествование, — некий литератор средней руки — однажды после бурного ресторанного застолья заключает с приятелем пари, что сможет «из любого лимитчика всемирно известного писателя сделать».

Этот невероятный замысел удается реализовать благодаря знанию героем нравов и психологии окололитературной среды. А также умению улавливать в свои паруса веяния нашего удивительного времени, когда, скажем, продавец может запросто стать министром или послом, малоизвестный поэт из какого-нибудь Семиюртинска — президентом суверенного государства, ресторанный приживала — главой творческого союза. Так в романе. В жизни, как мы знаем, завязываются сюжеты и покруче.

Так почему же попавший под руку ресторанным спорщикам Витек Акашин, которого выгнали сна-

чала из ПТУ за двойки, а потом со стройки за драку, не годится на роль гениального писателя, лауреата престижной международной премии? В эпоху рекламного бума, всевластия имиджмейкерства и поточно сотворения кумиров возможно все.

Ю.Поляков с веселым азартом подробно моделирует технологию создания мифа. Его герой, лепящий из полуграмотного Витька свечка отечественной словесности, в отличие от профессора Хиггинса и папы Карло делает основной упор не на работу с воспитуемым, а на создание соответствующего впечатления у окружающих. Поэтому его усилия сосредоточены на исключительно внешней стороне: интригующей «легенде», словарном «золотом минимуме начинающего гения» («ментально», «амбивалентно», «трансцендентально» и другие двенадцать таких же пунктов), экзотическом облике (гуцульская доха, уимблдонская повязка, малиновые сапоги). Но основная работа — с нужными писательскими кадрами: разносчиками слухов, создателями репутаций — от муженасытной «бабушки русской поэзии» Кипятковой до куратора «из органов» вездесущего Сергея Леонидовича. Работа тонкая, ювелирная и сугубо индивидуальная, требующая учета разных, иногда полярных воззрений и пристрастий — политических, национальных, сексуальных, эстетических...

В результате — опять же в отличие от другой известной сказки — здесь не найдется даже ребенка, который бы воскликнул, что король-то голый. Напротив, девственная чистота страниц акашинского «романа» будет истолкована теоретиками авангарда как «шифр, открывающий тайники астральной информации» и, понятное дело, как новое слово в литературе.

Вы скажете: гипербола, гротеск, доведение ситуации до абсурда... Конечно. Однако это признаки не только избранного Ю.Поляковым жанра, но и — в меньшей степени — нынешнего времени. Если автор преувеличивает и заостряет, то не слишком. Вот что пишет, к примеру, критик Илья Смирнов в газете «Культура» о явлениях вполне реальных: «Способный пародист и устроитель капустников... оказывается едва ли не самым известным современным русским поэтом» (и становится лауреатом международной литературной премии, добавлю я. — А.Н.); автора произведений, близких по тематике надписям на стенах туалетов, «производят в «классики», а кто-то еще и выдвигает на Букеровскую премию! Причем в данном случае неважно, кто из критиков хвалит эту «классику», а кто, напротив, ругает. Сама возможность такого рода дискуссии в профессиональной среде свидетельствует о том, что эта среда разрушена. Ее придется восстанавливать, как после гражданской войны».

Иногда автору не остается ничего другого, как послушно следовать за фантазмагорической действительностью. Ну какому Брейгелю или Кафке, в каком кошмарном сне могли привидеться «писатели-гуманисты», требующие «раздавить гадину», то есть ради спасения демократии расстрелять парламент?.. Творческая среда в романе — модель едва ли не всего общества, живущего мифами и легендами, почти не способного

адекватно и ответственно реагировать на что-либо. Скажем, эпизод, где говорится об акционерном обществе с прозрачным названием «ДДД» при всей его бредовости — опять же почти документальное воспроизведение событий вокруг известного трехбуквенного АО.

Повествование, пожалуй, даже несколько перенасыщено подобными сценами и эпизодами. Поначалу «Козленок в молоке» может быть воспринят как развернутый анекдот или эдакий современный плутовский роман (автор, правда, предпочитает другое жанровое определение — роман-эпиграмма), цель которого развлечь, повеселить читателя: остроумное, ироничное повествование, неожиданные сюжетные ходы, комические фигуры «инженеров человеческих душ»... Это в полном смысле «книга для чтения». Когда-то мы потешались над этой тавтологической формулировкой. Сегодня же, когда множится число сочинений, предназначенных для чего угодно — изучения, цитирования, презентаций, получения премий, испытания на прочность нервной системы, и так вплоть до получения упомянутой в романе «астральной информации», — но только не для чтения (это, дескать, удел низкопробной литературы) — становится не до смеха. Так вот, книгу Ю.Полякова можно использовать по прямому — традиционному назначению.

В то же время беллетристичность, «читабельность» здесь вполне органично сочетается с серьезностью социального и нравственного анализа, публицистической резкостью характеристик, жесткостью общего диагноза. Впрочем, даже будучи жестким и резким, Ю.Поляков не переходит грань, за которой начинаются злость и отчаяние. Не становится он и в позу учителя и обличителя, знающего «последнюю» истину. Ведь одно дело заявить: Россия, ты одурела! А другое — задумать: что с нами происходит? Как говорится, почувствуйте разницу. Полякову определенно ближе вторая позиция.

Кстати, среди персонажей романа мы встречаем вдруг некоего Юрия Полякова, автора повестей, наделавших в начале перестройки немало шума. Дело в том, что автор использовал старинный прием — укрылся за маской публикатора найденной рукописи, написанной якобы неизвестным литератором. А Ю.Поляков будто бы это произведение лишь предал гласности. Скрепя сердце, как пишет он в послесловии, потому что и сам он представлен здесь в не самом выгодном свете. Это, конечно, шутка, остроумный розыгрыш. Но вспоминается, что как-то в газетном интервью писатель заметил, что испытывает чувство вины за «безответственное буржуазничество». Самохарактеристика, конечно, резкая, с эмоциональным перебором... В романе же эта неотделенность от своих грешных и заблудших героев придает тексту дополнительную энергию и личностное обаяние.

Писателем движет все-таки надежда. И вера в то, что мы можем выйти из порочного заколдованного круга. И вправду: если у нас есть силы и желание посмотреть на себя со стороны, осознать не только тяжесть, но и количество своего положения — значит, не все потеряно.

Александр НЕВЕРОВ.